

Художник С.Дергачев

Никогда

Софья Ролдугина

ФАНТАСТИКА

Если на пяти языках повторить «никогда», то можно отменить что-то плохое.

Уна не помнит, кто и когда объяснил ей это; кажется, она просто родилась с предустановленным знанием, как некоторые появляются на свет с обостренным чувством справедливости или непереносимостью глютена. Только последствия в десять раз хуже, а видно их далеко не сразу.

...Уна хорошо помнит август девяносто шестого. Перекрученный каштан облюбовала стая голубей. Маревое дрожит над серым щербатым асфальтом, небо точно побелкой натерто; пятипалые листья скрючились и помертвело, бумажно шелестят. В доме через дорогу землястая старуха пожевывает раскуренную кубинскую сигару, и дым повисает на акациях, стелется по земле.

Жарко.

Задохнувшийся в полиэтилене сэндвич не лезет в горло. Вдалеке нарастает рев мотора. Уна садится на корточки, лениво крошит хлеб: курлы-курлы-курлы, и в ушах уже стучит, когда с нижней ветки наконец спархивает белая птица.

Прямо перед фургоном.

Голубь впечатывается в лобовое стекло с тем же звуком, что и футбольный мяч. Под натужный скрип автомобиль сворачивает на обочину; тормозной след растягивается на добрую сотню шагов. Водитель чертыхается, хлопает дверцей, перегибается через капот. Уна в это время тарашится на голубя: он то пытается растопырить крылья, то странно выворачивает шею, словно купается в невидимой луже. Крови нет, но присутствие смерти ощущается настолько ясно, что в горле пересыхает.

Старуха отводит руку с сигарой и смотрит из полумрака террасы.

Ниже по улице водитель, вытирая взмокший лоб, возвращается за руль, и фургон трогается с места. Едет медленно, опасно — даже вниз, с холма.

Вообще-то Уне голуби не нравятся. Но у этого кудрявый, ажурный хвост и стеклянные красные глаза — такого жалко. Она перетаскивает его на обочину, ныряет в дом, в сырую каменную прохладу, в отцовский кабинет. Словари тяжелые, выворачиваются из пальцев; к счастью, ей нужно всего два. Строгая, гладкая латынь и шершавый греческий.

Голова немного кружится от предвкушения; менять мир — все равно что держать в ладонке крошечного копошащегося птенца.

— Нэвер, нунквам, потэ, нимальс, най, — шепчет Уна, как заклинание, простирая руку над голубем с вывернутой шеей. — Нэвер, нунквам, потэ, нимальс, най...

Чуда не происходит.

Что-то не так.

Она мысленно перебирает лица одноклассников, голоса и слова — и цепляется за одного смуглого черноглазого мальчишку. Улыбчивый и угловатый, гневливый и быстрый — горе учителей, друг всех бездомных котов. Живой... живой.

— Нунка, — говорит Уна, пробуя слово на язык — и оно отзывается звоном. Старуха на террасе приподнимается настороженно. — Нэвер, нунквам, потэ, нунка, най!

Улица выворачивается лентой Мебиуса — ни начала, ни конца, а когда останавливается, то сэндвич в пакете цел, а белый голубь сидит на ветке, заинтересованно косит алым глазом. Внизу, под холмом, визжат тормоза, и раздается упругий удар — громче, чем от мяча.

Старуха роняет сигару, продирается через акации и магнолии. Ковыляет через дорогу — смуглые ноги похожи на высохшие куриные кости — и отвешивает Уне звонкую оплеуху.

— Никогда не смей, — шипит. — Никогда.

Чувство смерти сильнее, чем в первый раз. Но виноватой Уна себя почему-то не ощущает.

Она помнит голубя.

Последствия видны далеко не сразу, но такие же одаренные выделяются в толпе издали — горят, как маяки, притягиваются друг к другу, как рифы и корабли.

Они знают.

Если на пяти языках повторить «никогда», то можно отменить что-то плохое; Уна с отличием оканчивает колледж и бросается в лингвистический запой, выхватывает отдельные слова, зазубривает фразы, точно запасается вариантами на долгую жизнь. Для каждого «плохого» — свое «никогда». Потом наступает короткий период охлаждения, а за ним новое увлечение — программирование. Там тоже языки, которые проще и сложнее одновременно. Раз уж не ты пишешь код, а ненужные куски нельзя удалить — можно их закоментировать или добавить условие: *if (какаятопроблема) goto...*

В консалтинговую компанию она устраивается легко, даже без опыта работы. Босс — высокий блондин с серым, нервным лицом — мало говорит и глушит кофе литрами, а выглядит так, словно постоянно испытывает боль.

— Ты часто?.. — спрашивает он в первый день, и чашка дрожит у него в руке.

Босс не договаривает, но Уне и так все ясно.

А еще волосы у него не просто светлые, а седые, вдруг понимает она.

— Иногда.

Вранье, конечно. И недели не проходит, чтобы не подправить что-то по мелочи. Несовершенство раздражает, как пятна кофе на свежевывстиранной рубашке.

— П-поосторожнее, — советует он сухо и возвращается за свой стол.

Уне смешно.

— Нэвер, нунквам, нимальс, нунка, най! — громко выкрикивает она.

Коллеги удивленно оборачиваются, а потом офис резко делает нырок — и возвращается уже обновленным. Никакого разговора не было... ни для кого, кроме них двоих, потому что босс тоже помнит неслучившееся.

Рабочая почта подмигивает красным огоньком. В письме одна строчка: «Я же просил».

Общая тайна приятно греет сердце; Уна не верит, что босс может всерьез сердиться на нее, такую же, как он, пока не просыпается на следующий день в чужой стране, в крохотной комнатке — без работы, без образования, под другим именем. Запоздало приходит осознание: «плохое» тоже бывает разное, для кого-то — пятно на ткани, а для кого-то — на репутации. Если Уна не терпела несовершенств, то почему должен он?..

В груди клокочет обида. «Посмотрим, кто кого».

Условия изменились, но сам код никуда не делся — и способность вписывать в него новые команды тоже.

Так начинается гонка.

Мир оказывается неизмеримо сложнее, чем виделось прежде. На то, чтобы отыскать ошибку, уходит почти месяц непрерывного анализа и откатов; Уна словно идет ощупью в темноте, ориентируясь только на собственную память о том, что, увы, не случилось, — и на скудные свидетельства новой жизни. В паспорте — коллекция виз и отметок о пересечении границ, в пластиковом пакете на дне чемодана — четыре удостоверения личности на разные имена и россыпь просроченных кредиток, запястья в шрамах, сгибы локтей — в синяках.

Последнее отменить легче всего, этот баг реальности — совсем свежий.

«Нэвер, нунквам, нимальс, нунка, — пишет Уна размашисто на стене, чувствуя сухость во рту. И, помедлив, заканчивает: — *if (flag == зависимость) { flag = «»; break; }*».

Иногда «прервать цикл» — это то же самое, что «никогда».

Поиски поворотного момента похожи на детективное расследование. Достать денег — не проблема: всего-то надо купить лотерейный билет и отменить проигрыш, ведь с точки зрения судьбы тут бинарная система: либо ноль, либо единица. Шестнадцать перелетов, три континента, два десятка городов... Воспоминания о новой-чужой-своей жизни — стеснительные призраки: они ускользают, стоит взглянуться пристальнее, и вот уже Уне кажется, что ее не существовало вовсе. Но для остальных людей эта реальность — единственная.

Мальчишку из средней школы, который подарил ей испанское «никогда», зовут Хавьер. Здесь их связывает давняя дружба, крепкая, какая возникает только у оглушительно одиноких изгоев, внезапно обнаруживающих, что не все сверстники равно глупы и жестоки. Это он подучил ее уехать в Уругвай — и он же пролил свет на дурацкую случайность, из-за которой все пошло наперекосяк.

— Эх, амига, — вздыхает Хавьер, потерянный и пьяный. Он вырос вполне симпатичным; был бы ослепительным — но, вот беда, разучился гневаться и улыбаться, да и жизни в нем критически поубавилось. — Не складывается, хм? От меня вот Нана ушла, мальчишек кинула. И, видит

Святая Дева, помню про твоего папашку и как ты у нас ныкалась, а каждый день рука к бутылке тянется. Каждый день, веришь?

Уна возвращает ему подружку одной бессмысленной фразой на выдохе — и остается одна. Хавьер не пришел в бар, ведь дома дел невпроворот, веришь, амига? Но ей и не нужно уже: память кропотливо хранит несказанное. Стоит потянуть за ниточку — и распускается кружево, прямо до ослабленной петли, до червоточины. В этой реальности сильный и успешный отец Уны проиграл муниципальные выборы из-за какого-то дурацкого, не вовремя заданного вопроса на пресс-конференции. Одно потянуло за собой другое: стресс, задавленная агрессия, скандалы и алкоголь.

Однако трудное детство оставило ей не только шрамы на запястьях, но и дьявольскую изворотливость, какой не было у прежней Уны. И пятнадцать иностранных языков — прожитых, прочувствованных, навеки вшитых в подкорку.

Грех этим не воспользоваться.

— Ну надо же, — бормочет Уна и водит пальцем по черно-белой фотографии в газете пятнадцатилетней давности. Отец глядит в объективы камер потерянно, а журналистка радостно улыбается — исторический момент крушения идеалов. — Похоже, я недооценивала политику. А ведь это такой же код.

Кажется, теперь она знает, как отомстит несостоявшемуся боссу.

В некоторых наречиях «никогда» — это «ни единого раза», в других — «ни в какое время». Смысловые нюансы, которые прежде казались забавными, ныне решают все. Уна чувствует себя так, словно раньше брела вслепую, а теперь прозрела. Она рисует схемы, выстраивает параллели и впервые совершенно ясно осознает, почему в конкретной ситуации действительно определенное слово или знак.

Не важных знаний нет — и это тоже открытие.

Съемная квартира завалена распечатками и изрисованными скетчбуками. Вся биография босса как на ладони, выявлены и обнажены связи с тысячей событий, которые в то время происходили вокруг, и каждое вносило свою лепту. Политологии и социологии становится мало, и тут на помощь приходит математика, универсальный язык, — и, как ни странно, поэзия, поднимающая его на метафорическую недостижимую высоту.

Мир наконец предстает системой — сложной, бесконечно сложной, но открытой для познания.

На губах Уны — вкус запретного плода.

— Вот как, — шепчет она, отыскав наконец единственно верную отправную точку. — Ну, держись. Нэвер, нунка...

Череда почти неощутимых изменений выводит ее через неделю к тому самому офису, под распахнутые пластиковые окна — жарко, душно. Уна набирает номер, взятый с блестящего рекламного проспекта и, не представляясь, просит выглянуть.

У ее неслучившегося босса по-прежнему седые волосы и красивое, но болезненное лицо; взгляд — нечто среднее между «давай, удиви меня» и «пожалуйста, обойдемся без сюрпризов».

— Твой отец голосовал за консерваторов! — звонко выкрикивает Уна и широко улыбается, а затем размашисто рисует граффити через стену, через дверь.

Баллончик шипит и плюется алой краской — два слова,

команда, математическая формула и строка из поэмы о судьбе и крахе. Реальность дрожит, опрокидывается в саму себя, и вот уже Уна с любопытством смотрит вниз из окна директорского кабинета, а бывший босс топчется у крыльца. Стрижка дурацкая, костюм дешевый, под мышкой — резюме в тонкой пластиковой папке.

Разозленным парень, впрочем, не выглядит. Скорее... помолодевшим?

— Один-один, — негромко говорит он, и сердце почему-то подскакивает к горлу.

Полгода они осторожно обмениваются ударами, словно прощупывают друг друга. Меняют профессии, города и жизни; Уна почти всерьез обижается, когда обнаруживает себя с розовым ирокезом на сцене, и по-настоящему — когда никак не может понять, как босс это провернул. Отыскивает его, хватая за воротник — опять кофейные пятна, опять, ну как же можно быть таким неряхой — и рывкает:

— Где?!

Босс — в кои-то веки не скучный клерк, а прожженный журналиста — потерянно моргает, затем соображает:

— А, баг? В системе образования. Видишь ли, теперь в твоей школе преподавали рок-музыку.

«Да что за бред!»

Она закипает:

— И почему я, к чертям собачьим, ее тогда не возненавидела? — С языка рвутся слова поглубже — новая-чужая-своя судьба научила. Пока Уна еще сдерживается.

Босс аккуратно отцепляет ее пальцы от своего воротника.

— Психология. Учитель по вокалу говорил, что тебе надо петь нежнее... А у твоего друга Хавьера были касеты с Патти Смит.

Уна отпускает его.

Сначала она не верит, что из-за такой ерунды жизнь может покатиться по совсем другим рельсам, но вскоре убеждается сама. Это взрослые косные, а дети пластичны, и любое прикосновение оставляет на них след, да и к тому же они более уязвимы перед средой. Схема мира снова усложняется — и в то же время становится более понятной.

Следующим ходом Уна отправляет босса в космос — просто так, чтобы не зазнавался.

А потом, на каком-то там по счету витке, она вдруг обнаруживает, что Хавьер мертв.

Вряд ли недобосс сделал это специально. Нельзя ведь учесть все, обязательно будут случайные жертвы, но даже развод родителей и отцовский запой, спрятанный глубоко в фантомных воспоминаниях, не ранит сильнее, чем скупые цифры в некрологе. Смуглый, веселый и злой мальчишка не дожил и до пятнадцати, схлопотал битой по затылку во время беспорядков и умер нелепым голенастым кузнечиком. А мог бы вырасти, стать не просто красивым — ослепительным, и, Святая Дева, как же хорошо он смотрелся со своей Наной, которую находил каждый раз, как чуял, — на любой ветке реальности.

— Ты сволочь, — отчеканивает Уна в трубку, и горло перехватывает. — Его-то за что?

Босс виновато сопит, потом говорит:

— Я все вер... — Но Уна уже нажимает на отбой.

Следующим же вечером она роняет в Тихий океан са-

ФАНТАСТИКА

молет. Из пассажиров не выживает никто, но в траурных списках ее интересует только пожилая пара, которая направлялась на тропические острова справить юбилей свадьбы. Через три часа Уна вносит еще одно дополнение в код — это легко сделать, если подготовиться заранее и нащупать слабые места, — и тайфун «Хавьер» так и не зарождается над океаном.

Катастрофа отменяется.

Но боссу-то все равно больно, ведь он помнит даже неслучившееся — так же ясно, как реальное. Так что теперь у каждого из них по некрологу за душой, счет снова один-один, только это какие-то мерзкие единицы.

Неправильные.

Уна пытается сбежать от него, затеряться и сама не замечает, как устраивает глобальный экономический кризис, куда там Великой депрессии. Всюду нищета, безработица, толпы беженцев; комфортные путешествия — удел избранных счастливиц, баловней судьбы, потому что билеты дороги, а визы дают крайне неохотно. Лотереи вырождаются, остаются подпольные казино и бары, а самое отвратительное — здесь нет кофе.

Два отката ничего не изменили. Кризис поослаб, однако на меню это повлияло мало.

Третий месяц Уна просиживает в чайной, глушит чашка за чашкой крепкую бурду, воняющую сырым венником, и пытается понять — почему. Экономика и политика бесильны, математическим формулам не хватает данных, а одной поэзии, похоже, слишком мало...

«Я сдохну от недосыпа, — крутится в голове. — Или венниками потравлюсь».

— Экологию не пробовала? — дружелюбно спрашивает босс, подсаживаясь за столик.

Надо же, отыскал — без социальных сетей и банковских карт, во всеобщей разрухе.

Даже лестно.

— В смысле?

Уточняющие вопросы, конечно, заставляют гордость корчиться в муках, но докопаться до истины и до кофе куда важнее... По крайней мере, так Уна говорит себе. А босс разворачивает карту — дурацкую, бумажную и вдобавок, похоже, с другой ветки реальности.

«По памяти он ее, что ли, рисовал?»

— Вот, смотри. Крупнейшие экспортеры кофе у нас тут — Бразилия и Колумбия, их сразу вычеркиваем, там народные волнения, лесные пожары, на два чиха это не разгрести. Далее — Вьетнам и Индонезия, но там в основном робуста, да и плантации сильно пострадали после цунами и землетрясений. А что насчет Африки? Эфиопия, Кения, Йемен... Всегда мечтал завалить мир йеменским кофе.

И тут Уну осеняет. Она ничего не может с собой поделаться — смотрит на него, как на героя, и улыбается.

— Ты гений. А я дура, если забыла о естественных факторах. Ведь у кризиса могут быть не только внутренние, но и внешние причины, не человечеством спровоцированные! Сначала у нас природные катастрофы и климатические изменения — а потом неурожаи, скачки цен, кое-где даже голод...

Она говорит и говорит, тут же, на словах, выстраивая формулу. В схему мира новые «пять слов» вписываются идеально, так и просятся на язык, на кончик карандаша — опробовать, испытать... А босс смотрит, не отрываясь, а потом внезапно целует ее болтливый рот. Отстраняется — и ни слова не говорит, а губы у него в чем-то красном.

«Моя помада», — осознает Уна и страшно пугается.

— Нэвер, нунквам, потэ, нимальс, най, — лепечет она. Будто это что-то меняет.

Кафе выворачивается наизнанку: баг устранен, неугодная переменная равна нулю. Но босс все так же безмолвен, дурно одет, и лицо у него горестное. Помады ни следа... Но что толку? Они оба помнят.

Заклинание дало сбой.

...Если на пяти разных языках повторить «никогда», то что-то плохое исчезнет. А что делать, если надо не вырезать фрагмент реальности, а повернуть неуправляемый поток в прежнее русло?

Уна не знает.

Кризис удалось вымарать, но половина Африки теперь охвачена войной. Память сбоит: было ли это в изначальной версии мира, или бездумные изменения так повлияли на историю? И казалось бы, какое дело состоятельному фрилансеру из маленького, но очень богатого европейского княжества до проблем на другом континенте, но почему-то перед глазами снова и снова встают строчки из некролога: «Хавьер Эрмано, 1986—2000, примерный сын и любимый брат...» Нет, он-то, конечно, жив, Уна проверяла, но сердце все равно болит, и чувство вины не отпускает.

Политика, экономика, история, география, экология — сколько еще нужно ввести переменных, чтобы люди перестали убивать друг друга?

Сколько еще языков и систем выучить, чтобы раз и навсегда взломать код?

— Тебе следует отдохнуть, — мягко говорит босс.

Уна подробно объясняет ему, куда он должен засунуть свои недоглаженные рубашки и сочувственные комментарии. И добрые советы тоже, можно даже не распаковывая.

Он пропадает на две недели. А потом, в одно прекрасное солнечное утро, прямо под ногами Уны автобусная остановка превращается в открытую платформу на шестидесятиметровой высоте, а за спиной отрастают крылья — большие, белые, сильные. И что с ними делать — решительно неясно.

— Видела бы ты свое лицо, — весело замечает босс.

Его футболка и джинсы такие драные, словно все городские коты обьявили ему вендетту, а крылья черные, блестящие, точно искупались в смоле. С платформы на платформу он перепархивает уверенно, будто родился пернатым... Впрочем, так оно и есть.

Уна садится на край и свешивает ноги; внизу, под босыми ступнями, — цветущие крыши, зеленые стены и сады, сады, сады... Странно, чуждо и безумно красиво. Она

вслушивается в ветер, ловит запахи, звуки и выбирает между восторженным «Как?!» и раздраженным «Зачем?».

— Биология, эволюция, история, математика и, как ни странно, поэзия, — объясняет босс, глядя исподлобья. Солнце у него за спиной, и поэтому лицо выглядит темным, выражение нечитаемое. — Вуаля — мы биотехнологическая цивилизация. Войн почти нет, голода тоже. Единственный минус — нас меньше раз в десять.

Это как удар под дых.

Уна могла бы спросить: а как же Хавьер? Но дело не в нем, точнее, не только в нем. Ей дурно от мысли, что несколько миллиардов человек не получили даже шанса родиться; короткая, полная трудностей жизнь и смерть от выстрела в затылок или от лихорадки где-то под южным солнцем уже не кажется худшей из судеб.

— Верни все на место, — просит Уна хрипло.

Босс молча бросается с платформы, лишь в последнее мгновение раскрывая крылья.

Искать отправную точку приходится самой.

Слишком поздно накатывает понимание, что они не устраняли ошибки в исходном коде, а привносили их. Теперь система замусорена донельзя: старые законы не работают, а чтобы вывести новые, не хватает ни знаний, ни сил. Без смелости, порой безрассудной, ни выйти за границы уже изведанного, ни продвинуться вперед. Познание невозможно без нарушения норм и догм.

Однако беспечность и безответственность неизбежно ведут к краху.

Уна узнает о человечестве немало нового. Что даже крылатые, свободные, сытые могут развязывать опустошительные войны; что нет такой благой идеи, которую нельзя исказить и обернуть во вред; что даже посреди разверзшегося на земле ада явятся свои святые; что можно войти в одну и ту же реку дважды, но без всякой гарантии, что это будешь именно ты...

Мир — словно код, который постоянно развивается и сам плодит баги, словно язык, не знающий понятия «никогда».

«А если я — ошибка?»

Мысль появляется все чаще и тревожит все меньше.

Босса Уна теперь ненавидит — яростно и жгуче, как никогда раньше. За то, что он втянул ее в противостояние, приучил к большим ставкам; за то, что он всегда рядом, готов протянуть руку помощи, придержать за локоть, ухватить за шкурку и не пустить, — но предотвратить самое кошмарное даже ему не по силам.

В какой-то момент Уна обнаруживает, что порох не взрывается, и радостно вскидывается: вот он, сбой. Нужно только немного откатиться назад, вломиться в физику, закомментировать часть кода, и...

Здесь почти нечем дышать, и на языке сухая горечь.

По правую руку — бесконечная равнина: серое, черное, серое, черное. По левую — белые-белые волны. Небо низкое и холодное, сыплет мелким снегом. В глубине безжизненной земли прорастают взрывы — дым, кольцами нанизанный на огненные столпы; на ядерные купола нисколько не похоже, но Уна подспудно знает, что это даже хуже — своя-чужая-новая память подсказала.

Босс бредет вдоль кромки седого моря; рубашка хлопает на ветру, светлые штаны закатаны до колен.

— У нас минут пять, я думаю! — издали кричит он. И тут же, не меняясь в голосе: — Извини!

Уна хочет крикнуть: «За что?» — но горло перехватывает. А босс останавливается шагах в десяти от нее, словно между ними невидимая стена.

— Я вмешался в твой код, — говорит он. — И кажется, налажал.

И еще:

— Я не должен был отправлять тебя в Уругвай.

Это он, видимо, так шутит.

Язык присох к небу, а взгляд — к узкой полосе прибора. Уна думает, что все не зря, и она не жалеет ни о чем: спасибо за пятнадцать языков, за розовый ирокез, за кофе, за белые крылья... «Уна» — значит «рожденная для счастья».

Она и правда была счастлива.

«Если кто-то все еще пишет код, — крутится в голове, — если кто-то пишет мир, то пускай все это случилось. Не отнимай ничего, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста...»

Босс подносит к виску сжатый кулак с отставленным указательным пальцем, точно целится в себя.

— Никогда, — произносит отрывисто, словно стреляет. — Никогда, ни...

Уна зажимает уши и кричит изо всех сил.

Как будто это когда-то помогало.

...В августе девяносто шестого жара пробирает до костей. Перекрученный каштан облюбовала стая голубей. Марево дрожит над серым щербатым асфальтом, небо словно побелкой натерто, пятипалые листья скрючились, обожженные солнцем. Полный штиль — ни шелеста, ни шороха. На террасе в доме через дорогу старуха раскуривает в полумраке разломанную кубинскую сигару, и дым повисает над землей. Белого кудрявого голубя, который топчется на деревянных перилах, это, впрочем, несколько не беспокоит.

Ноги подламываются; Уна роняет сэндвич, завернутый в липкий полиэтилен, и бессильно опускается на обочину, в пыль. Рядом тормозит синий фургон.

— Эй, малявка, помощь нужна? — Водитель, усатый смуглый здоровяк, кажется, искренне встревожен. Уна мотает головой. — Ну, как знаешь.

Он дожидается, пока Уна встанет и отряхнется, и лишь потом трогается. Едет медленно, опасно — даже вниз, под горку. Уна спускается за ним. Выпуклое круглое зеркало — осторожней на поворотах, эй! — отражает нескладную девочку с седыми волосами.

У нее взрослое нервное лицо, словно она постоянно испытывает боль.

Босса Уна обнаруживает у подножья холма, там, где дорога резко виляет вправо. Он выглядит младше, лет пятнадцать-шестнадцать с виду, но в остальном нисколько не изменился, даже белая рубашка так же запятнана кофе. Сидит у дороги, подтянув колени к подбородку, смотрит вдаль...

«Только бы он помнил, — загадывает Уна про себя. — Только бы помнил».

Старенький велосипед аккуратно прислонен к знаку пешеходного перехода, почти невидимого за разросшимися кустами.

— Однажды меня сбил здесь фургон, — внезапно говорит босс. — Я месяц провел в госпитале, еле выкарабкался, думал о разном: мол, если бы... Но речь не о том. Ты ведь не оставишь меня?

Он смотрит так, что становится ясно: нет, ничего не забыл. Ни сбывшееся, ни несбывшееся. Уна садится рядом, приваливается к нему боком, несмотря на невыносимую жару, и шепчет:

— Никогда-никогда. Никогда, никогда, никогда.

Долгожданный, уникальный, удобный!

Вы покупаете архив, устанавливаете на свой компьютер, и он автоматически обновляется каждый месяц. Все самое интересное легко найти и в старых, и в новых номерах. Бесценные рассказы об ученых, о проблемах и методах химии, биологии, физики, материаловедения, история развития науки и техники, смелые гипотезы и идеи, опыты юных химиков, размышления мудрецов, антология научной фантастики второй половины XX – первой половины XXI века, рисунки ведущих художников-графиков, в общем, то, о чем более полувека пишет журнал «Химия и жизнь», есть в его электронном пополняемом архиве.

Цена 1600 р. на флеш-карте с доставкой почтой РФ и 1300 р. при самостоятельном скачивании дистрибутива с сайта. Узнать подробности об архиве и купить его можно на сайте журнала: (www.hij.ru), отправив письмо по адресу redaktor@hij.ru или позвонив в редакцию по телефону (495) 722-09-46 по рабочим дням с 11 до 17-30.

Реквизиты:

Получатель платежа: АНО Центр «НаукаПресс»,
ИНН/КПП 7701325151/770101001 Банк: ПАО «Сбербанк», г. Москва,
Номер счета: № 40703810938000000848, к/с 30101810400000000225, БИК 044525225
Назначение платежа: подписка на журнал «Химия и жизнь—XXI век»

Напоминаем, что на наш журнал с любого номера можно подписаться в редакции.

Стоимость подписки на второе полугодие 2018 года: с доставкой по РФ — 1140 рублей, при получении в редакции — 720 рублей. Об электронных платежах см. www.hij.ru. Справки по телефону (495)722-09-46.